

ПОСЛЕ

Она стремительно ворвалась на сцену — эта женщина в мужском костюме и с мужским характером. Мадам Жермена де Сталь — актриса Оксана Мысина. Женщина, не привыкшая уступать и отступать. Энергичная и дерзкая, решительная и свободная, резкая и взрывоопасная. С ней нелегко, но с такой не соскучишься. Если она что-то задумала, ее не остановит никакая сила.

Решила — значит поедет в далекую Россию, к императору Александру I и будет отстаивать свои принципы везде и всюду, имея в противниках самого Бонапарта. Всегда готовая пуститься в путь, она и живет на чемоданах. Ими в буквальном смысле заполнено пространство сцены (сценография А.Сергеева), из них складываются диван и стол, кровать и дорожная кибитка.

Мадам де Сталь неожиданна и непредсказуема, за остротой ее мысли, как и за скоростью передвижений, окружающие не в состоянии уследить. Один из них определил жизненный жребий Жермены де Сталь: “быть самой нежелательной женщиной на свете”. “Нежелательной” и одновременно желанной, вызывающей раздражение и поклонение.

К ней вновь и вновь возвращается измученный ее взрывным, независимым характером утонченный Бенджамин Констан (Дмитрий Писаренко); отдает должное ее уму и таланту сдержанно строгий маршал Бернадотт (Анатолий Сутягин), ей фанатично предан, боготворящий ее восторженный лейтенант Рокка (Александр Топурия). Иногда Жермена де Сталь позволяет себе быть женственной и слабой, нежной и кокетливой, но даже очаровывая, она подавляет своей внутренней силой и энергией.

По воле автора пьесы Фердинанда Брукнера, режиссера спектакля Бориса Львова-Анохина, а также в силу индивидуальности актрисы Оксаны Мысиной, Жермена де Сталь оказывается безусловным центром “Героической комедии”,

поставленной в Новом драматическом театре.

Героиня О.Мысиной привлекает окружающих своей оригинальностью и неординарностью, что может как восхищать, так и шокировать. То же можно сказать и об индивидуальности самой актрисы. Она не боится своей нестандартности, но и не бравирует ею. Просто так она ее органика.

Нелепая, странная женщина в широком черном пальто, с гребенкой в волосах и торчащей с одной стороны тоненькой косичкой, несколько раз безмолвно выскакивает из дверей и убегает обратно. Потом, слегка ошарашивая суетливой напористостью, подсаживается к зрителям (действие начинается в фойе) и болтает с ними внешне весьма весело и бодро. И это героиня Ф.М. Достоевского? Замотанная жизнью, чахоточная Катерина Ивановна?!

Первые сцены спектакля Камы Гинкаса “К.И. Из “Преступления” по пьесе Дани Гинка (Театр юного зрителя) вызывают шок и недоумение. Но сама актриса тонко чувствует пограничную территорию

Женщина, не привыкшая отступать

между романом Ф.Достоевского и драматургической интерпретацией Д.Гинка. Первая часть постановки — скорее игровой, театрализованный пролог. Играет исполнительница роли, играет и ее героиня, пытающаяся скрыть за суетной бравадой боль и безысходность.

Режиссер и актриса не боятся вызвать не только сострадание, но и смех, не скрывая, что все это лишь игра “на публику”. Реальная же жизнь происходит там, за закрытой дверью, куда периодически исчезает К.И., и куда нас пока не допускают.

А здесь, перед публикой, неловко улыбающаяся Катерина Ивановна нервно играет на скрипке, выступая вместе с де-

тью, и словно бы отстраненно рассказывает историю своей горестной жизни. Момент отстранения присутствует до тех пор, пока мы остаемся зрителями, слушателями. Но когда нас проводят за запертую ранее дверь, К.И. уже обращается к пришедшим “на поминки” как к реальным действующим лицам, свидетелям и соучастникам происходящего с ней. Зрители превращаются в персонажей спектакля, а игра становится жизнью.

Во второй части постановки русская “школа переживания” начинает заметно превалировать над западной системой “театра представления”, и Оксана Мысина органично и плавно переходит из одного состояния в другое: техническая

выстроенность роли, соединенная с несколько холодной отстраненностью сменяется полным слиянием актрисы с образом. Во все более накаляющейся трагической атмосфере спектакля мечется Катерина Ивановна, то взрываясь, то затихая, то впадая в забытие, то судорожно цепляясь за угасающую жизнь. И, наконец, обессиленная замирает у белой стены, медленно сползая на пол.

“Уездили клячу, надорвалась”. Так завершается жизнь Катерины Ивановны Ф.М. Достоевского. Иначе заканчивается пьеса Дани Гинка и спектакль Камы Гинкаса. “В полдневный жар, в долине Дагестана”... — страстно произносит героиня, освобожденная от тяжелого, сковывающего дви-

ПРЕМЬЕРЫ

жения пальто и с дерзким азартом взбирающаяся по спущенной сверху качающейся лестнице. Ее требовательно победный крик: “Пустите, это я иду” сливается с нарастающими бравурными музыкальными аккордами. Трагический финал неожиданно переходит в утверждение торжества освободившегося от земных страданий человека. Необычное завершение спектакля закольцовывается с его эксцентрическим началом.

Эксцентричность, пожалуй, одна из основных черт индивидуальности Оксаны Мысиной. Ее можно назвать и экстравагантной актрисой. Проявляется это не только в своеобразном внешнем облике, но и во внутренней свободе и динамичности. Ее эксцентричность и экстравагантность — в бесстрашной легкости переходов от одного жанра к другому, от одной техники к другой. Для нее естественно и органично балансирование на грани буффонады и трагедии, она свободно чувствует себя в заостренном, нередко гротескном пластическом рисунке роли, не боится броской, порой утрированной

она в немалой степени обусловлено и индивидуальностью исполнительницы роли мисс Тины. Линия судьбы героини как будто четко разграничена на отдельные эпизоды. Смена эпизода — резкий поворот судьбы — новый ракурс характера. Неловкая, неуклюжая девочка, говорящая смешной скороговоркой. Нежная, счастливая влюбленная девушка. пережившая разочарование и унижение. Величественно спокойная, волевая женщина, с гордым достоинством хранящая свою тайну. В каждом эпизоде — та же броскость внешней характеристики, та же неуловимая странность и нестандартность.

В нестандартности тоже есть своя опасность, она может постепенно превратиться в собственный, пусть оригинальный, но штамп. Оксана Мысина это как будто не грозит. Сохраняя индивидуальность, она успешно избегает повторов, готовая мчаться с одного конца Москвы на другой, менять театральные адреса в постоянных поисках своего жанра, своего режиссера, своего театра. По степени заряженности творчеством актриса, быть может, немного сродни своей последней героине.

“Молчит мадам де Сталь”, — возвестили парижские газеты. Но молчание это не могло быть долгим. Добровольное изгнание и успокоенность в тихом домашнем уюте не для нее. Она снова одержимо бросается к письменному столу. Снова писать, снова отстаивать свое мнение в политических и литературных спорах, снова собирать чемоданы. Как чеховский Тригорин она должна “писать непрерывно, как на перекладных”, иначе не может, иначе не живет.

Марина ГАЕВСКАЯ.

● Маршал Бернадотт — Анатолий Сутягин, мадам де Сталь — Оксана Мысина.

Фото М.Гутермана.

